

БЕГЛЕЦ ПОНЕВОЛЕ

НИКОЛАЙ БИРЮЗДИН

Николай Бирюздин

Беглец поневоле

<https://litres.ru/74667223>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он спас наследника престола — и стал самым неудобным человеком в империи.

У Дмитрия Воротынского нет магии: родовое проклятие оставило ему искру, но не силу. Есть чужая память из другой жизни, тридцать два года работы с поставщиками и привычка считать всё подряд. До сих пор этого хватало.

Теперь считать приходится другое. Двор аплодирует. Принц уехал до Рождества. Академия пустеет. А те, кто должен был защищать его род, тихо решают, что спокойнее будет без него.

Три недели. Зимняя столица, у которой есть изнанка. Демон, потерявший след, но находящий всё быстрее. И вопрос, на который в этом мире никто не знает ответа: чем вообще гонят тварь, которую нельзя убить?

Ирония, инженерное мышление вместо файерболов и герой, который выживает не силой, а арифметикой.

Содержание

Глава 1. Два вопроса	4
Глава 2. Не убедил	18
Глава 3. Пустой дворец	31
Г	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Беглец поневоле

Глава 1. Два вопроса

— Руку.

Придворный лекарь взял моё запястье двумя пальцами, отвернулся к окну и зашевелил губами. На середине счёта он сбился, кашлянул в кулак и начал заново. Второй, помоложе, записывал за ним в тетрадь всё подряд, добросовестно, вместе с кашлем.

— Ровнее вчерашнего, — сказал старший. — Лежать.

Лежать у меня выходило третий день, и за эти дни я успел принять себя по описи — так принимают склад после спорной ревизии, когда бумаги сошлись, а верить бумагам не хочется. Голова была на месте, руки слушались, только правая к вечеру начинала мелко дрожать; слева ныли рёбра, но дышалось ими без запрета. Ноги я проверил тем, что пошевелил под одеялом пальцами, и дальше проверка не пошла — сесть без чужой руки у меня в тот день не вышло ни разу. Недостача была по другой графе. Из меня вынули силу, всю разом, и возвращать её обещали неделю, а неделя в моём положении срок непозволительный. Положение моё лекарей, впрочем, не касалось.

Проверять я полез на второй день, когда оба ушли обещать. Сел хорошо, почти сразу, даже спустил ноги на холод-

ный пол. До окна от койки было полтора шага. Я их знал, эти полтора шага, я уже считал их однажды — в другой комнате и совсем по другому поводу. Полшага мне дались. На втором пол поехал вбок, я поймал спинку кровати и сел обратно, и сидел, пока в глазах не установилось. Спаситель наследника престола, гроза учебного плаца, не дошёл до собственного окна.

Кормили меня с ложки. Первые два дня я не спорил.

— Который час? — спросил я служителя, когда он принёс воду.

— К четырём, барин.

За окном было темно, как в семь. Декабрь здесь начинался рано и всерьёз.

Вопрос у меня к нему был один, и я его не задал. Спросить, кто поднимал меня с плаца и близко ли подходил при этом его высочество, значило показать, что ответ мне важен. Показывать это было незачем и некому: единственный, кому такое интересно, слушает меня и так, даром и круглые сутки. Я убрал вопрос туда же, где у меня лежали все прочие, и попросил ещё воды.

На табурете у изголовья росла стопка. Каждый день служитель приносил новые карточки и конверты, складывал их корешок к корешку и трогать не давал, потому что покой. К третьему дню стопка перевалила ладонь. Я дотянулся до неё через боль в рёбрах, взял верхнюю — и уронил всю. Бумага разъехала по полу веером, служитель собрал её молча и

уложил обратно, ровно, как было.

На четвёртый день мне позволили сидеть, и меня перевели к себе. Стопку принесли следом, в корзине.

Половина её была поздравительная. «Отменное мужество», «дому Воротынских — честь», «искренне разделяем радость империи». Я читал и раскладывал их по кучкам. Приглашений набралось одиннадцать, и четыре из них были от домов, которые год назад не пустили бы меня дальше передней. Год назад я был безмагический Воротынский из проклятого рода. Теперь я был безмагический Воротынский, при котором на плацу не стало опасности для наследника, и это, оказывается, две разные позиции в одном прейскуранте. Товар прежний, спрос новый.

Две записки поздравлениями не были. Первая, без подписи, желала мне долгого лечения и советовала на будущий год выбрать себе противника попроще. Вторая была подписана и потому куда честнее. Сын хорошего дома радовался моему выздоровлению и тут же спрашивал, правда ли, что на будущий год природные вещи в круг вносить запретят.

Двое с курса зашли до обеда. Постояли, сказали, что все за меня рады, и через минуту заспорили между собой о том же самом. Меня в этом споре не было — я лежал в двух шагах и проходил в нём обстоятельством дела.

Распорядитель пришёл после них, с папкой, и с ним разговор пошёл как надо: он-то явился по делу.

— Для порядка, — сказал он, разложив листы на моём столе. — Обстоятельства записываем со слов. Ваши со слов их высочества расходятся в мелочи, а бумага мелочей не любит.

— В какой?

— Его высочество изволили сказать, что вы шагнули им наперёд. Вы третьего дня сказали, что оступились.

— Оступился, — подтвердил я.

Он посмотрел на меня поверх листа секунду дольше, чем требовалось, и записал: оступился.

Про кубок я не спрашивал, кубок был решён ещё в субботу, там же, на плацу: круг не досчитан, вручать не за что. Я тогда услышал это лёжа и, помнится, обрадовался, потому что стоять на церемонии мне в тот вечер было бы нечем. Теперь разбирали бумагу, и разбирали её с той обстоятельностью, с какой у нас разбирали спорную приёмку, когда деньги уплачены, товар взят, а по документам ничего этого не происходило.

Занимал господ судей пункт о дозволенном. Дар и то, что при себе носимо; сталь и именные вещи нельзя. Про природные вещи в регламенте не писано ничего, и потому одна сторона читала пустое место как дозволение, другая — как упущение, которое следует поправить к будущему году.

— И к чему пришли?

— Ни к чему, — сказал распорядитель почти с уважением. — Господа судьи не сошлись. Постановили обстоятель-

ства собрать, а прочее отложить.

— Надолго?

— Как водится.

— Понятно, — сказал я. «Как водится» на любом языке значит одно и то же.

А потом я сделал то, чего делать не собирался, и сам не понял, зачем сделал.

— В бумаге как записана та тварь? — спросил я. — Ну, из-за которой круг встал.

Распорядитель не дрогнул. Он перевернул лист, нашёл строку и прочёл её мне ровно, как читают опись:

— «На плацу произошло замешательство вследствие появления постороннего».

— Постороннего.

— Так и записано, — сказал он и убрал папку под мышку.

За четыре дня я прочёл около сорока чужих писем и выслушал не меньше десятка человек. О демоне не сказал никто. Слово это за четыре дня не прозвучало вслух ни разу. В бумаге он числился посторонним, а в разговорах его не было вовсе. Осталось происшествие, при котором молодой Воротынский отличился, а его высочество не пострадало, и обе половины этой фразы всех устраивали. Дело закрыли и подшили.

Одиннадцать приглашений я сложил обратно в корзину, кроме одного. Это одно я поставил торчком у чернильницы, чтобы видеть.

Вечером свечу я зажёл сам — сам, спичкой, как в этом доме всегда и делалось, — и остался наконец один.

Плაც я помнил целиком. Снег на нём был утоптан до жёлтого, черту тянули лопатой, и над всем этим стоял запах гари, никак не вязавшийся с морозом. Память моя после переноса стала нечеловеческой, и в первый раз за эти дни я об этом пожалел — она держала не картинку, а дорогу.

От меня до ложи было сорок с лишним шагов. Сорок один, если считать теми шагами, какими я их прошёл, а прошёл я их бегом и потом пересчитал по своим же следам, пока меня не увели с плаца.

Тварь вышла из воздуха у дальнего края и двинулась к ложе. Мимо стражи, мимо распорядителей, мимо меня. Я стоял в черте на виду, целый, на своих ногах, с деревяшкой в рукаве, и она меня не тронула — она меня попросту не взяла в расчёт. Повернула она ко мне только тогда, когда я добежал и встал у неё на линии. До этого я был для неё чем-то вроде поленницы во дворе.

Поставщик, который везёт мимо ближнего склада к дальнему, делает так не по рассеянности. У него на дальний договор.

Дальше я стал разбирать версии, потому что версии положено разбирать, а не выбирать из них любимую.

Смута. Убить наследника, и в империи начнётся долгий и грязный передел. Хорошая версия для человека — но пере-

дел выгоден тому, кто в переделе участвует, а тварь в нём не участвует никак. Наш трон ей безразличен.

Голод. Ему нужен сосуд, целый и с проснувшейся искрой; правило первой крови я усвоил на собственной шкуре. Тогда тем более непонятно. Наследник — не Воротынский. Я — Воротынский, и я стоял в сорока одном шаге, и я его вполне устраивал ещё в августе, когда он приходил за мной на дорогу и в усадьбу.

Случайность я, впрочем, отбросил первой. Оно шло по прямой, и прямая эта кончалась в ложе.

Оставалось признать неудобное. Я, ключ и сосуд, ради которого он триста лет обшаривает империю вслепую, в ту минуту оказался помехой на дороге — тем, что обходят и оставляют на потом.

И вот тут версии кончались, потому что я начинал думать о самом наследнике. Александр не воин — меч он держал в руках столько, сколько положено держать по обряду. Не государственный — об этом при дворе говорили вполголоса и всё-таки говорили. Человек он был лёгкий, приветливый, из тех, кому идёт мундир и не идёт кабинет, и я, сколько ни примерял, не мог поставить его на место угрозы для твари, которая ест чужую память и ходит по воздуху.

Кто-то ставил. И этот кто-то знал о моём принце что-то, чего при дворе не знали. Я не знал тем более.

Второй вопрос я поставил себе той же ночью, и он был

проще первого — тем и хуже.

Я развернул полотенце. Кость раскололась вдоль по всей длине, обе половины лежали рядом, обугленные с одного конца, и на ощупь были лёгкие, как выгоревшая головня. Полотенце было чужое, его дали мне в тот вечер завернуть остатки, и я его до сих пор не вернул. Оправу я держал отдельно, в ящике.

Считать я стал вслух, потому что вслух считается честнее. Зарядов было — один. Израсходовано — один. Остаток — ноль.

Дальше начиналось то, о чём я старался не думать четыре дня. Обманка сработала не оттого, что была хороша. Она сработала оттого, что была первой: тварь не знала, чего ждать от безмагического мальчишки с деревяшкой, и подпустила меня на упор. Второй раз меня на упор не подпустят. Такие вещи работают ровно один раз, и цену этому единственному разу я теперь знал.

Собрать второй такой я мог бы. Материалы нашлись бы, время нашлось бы. Толку в нём было ноль: он делает то же самое, а то же самое — это порвать твари сотворённое тело и выставить её из мира на срок, о котором мне никто не скажет. Она вернётся. Она возвращалась к нам триста лет, при моём деде и при его деде, и всякий раз род платил.

Значит, вопрос стоял не «как выжить». Выжить я к этому времени научился неплохо, у меня и опыт был свежий. Вопрос стоял так: чем эту тварь гонят по-настоящему и чем из

этого могу распорядиться я.

Ответа у меня не было. В «Началах» о демонах не сказано ни строки, у деда демон проходит по разряду погоды — является, род платит, — а газеты молчат о магии так старательно, что молчание слышно. Оставались маги, те самые, что рассказали мне правду о проклятии. Правда, к магам я пока был не ходок. До окна и то дошёл с третьей попытки, а бумага на аудиенцию идёт своим ходом.

До Рождества оставалось три недели с небольшим, а к Рождеству я обещал деду быть в имении.

Я завернул кость обратно, положил свёрток в ящик поверх оправы и лёг, не гася свечу.

Из тела я вышел с первого раза: встал рядом с собой и сделал шаг назад, и койка вместе с потолком и свечой ушла в темноту.

Теодор ждал у стены. За месяцы я привык считать его позу частью пещеры, как считают частью комнаты шкаф. Сегодня он стоял на шаг ближе к камню, чем обычно, и я заметил это, ещё усаживаясь.

— Два вопроса, — сказал я. — Оба крупные. Прежде чем вы ответите, позвольте, я сам разложу, чем вы ответите, — сэкономим ночь. На первый пойдёт «не спеши». На второй «не знаю», причём честное.

— Проверим. Задавай.

— Первый. Тварь пришла на плац за наследником и про-

шла мимо меня в сорока шагах, целого и годного. Я хочу знать, почему.

— Второй, — сказал Теодор.

— Второй: чем эту тварь гонят так, чтобы она не вернулась. Моя вещь была на один раз, второго не будет.

Он отошёл от стены и прошёлся — три шага туда, три обратно. Лекторский шаг я знал.

— Начинай со второго. Ответ у тебя есть, и лежит он у тебя с осени.

— У меня его нет.

— Есть. — Точка в конце слова встала бетонная. — Ты сам пересказывал мне эту сказку, слово в слово, ещё в дороге. Повтори.

Я повторил, потому что память моя, будь она неладна, отдаёт всё, что в неё положили, вместе с ценами и опечатками.

— Царь Святослав вышел на демонов и загнал их обратно за Врата. Мечом. Когда хоронили, меч положили при бедре, чтобы и на том свете было чем.

— Дальше.

— Дальше я вычеркнул эту строку. — Мне и самому стало неловко, потому что вычёркивал я её грамотно, по всем правилам. — Меч в сказке. Гробница неизвестно где, глава магов при мне же это и сказал, а к чему нельзя приехать, того в списке нет. Я вычеркнул позицию, которой не могу заказать.

— Верни её обратно, — сказал Теодор. — Список из одной строки — плохой список, но список из ни одной строки

хуже.

Я вернул. Строка вернулась и ничего мне не дала, о чём я ему и сказал:

— Гонят мечом. Меч лежит с покойником. Покойник лежит неизвестно где. А я лежу с треснувшими рёбрами и в лучшем случае доеду до аудиенции.

— Ты всё ещё думаешь о вещи, — отозвался он. — Подумай о руке.

— О чьей?

— Меч без руки — железо. Всякая ли рука его поднимет?

Я сидел на своём камне и молчал дольше, чем собирался. Потом достал вторую бумажку — трактир по дороге в столицу, сентябрь, чужой разговор через две скамьи, который я тогда слушал вполуха и всё равно запомнил дословно.

— В трактире говорили о царской фамилии. Кто-то из проезжих сказал: в наследнике течёт кровь Святослава. Я тогда посчитал это местной гордостью, вроде как у нас говорят «наш город древнее вашего».

— Клади рядом.

— Кладу. — И я положил, и картина встала на место с тем самым хрустом, от которого у меня всегда портится настроение, потому что хрустит обычно к неприятностям. — Гонят мечом. Меч — Святослава. В наследнике кровь Святослава. Царь стар, наследник молод и здоров. Если за меч вообще может кто-то взяться, то он.

Теодор не двигался.

— И тогда, — сказал я, — на плацу было не покушение. Это была работа на упреждение. Она шла убирать единственную руку, которая может повторить с ней то, что с ней однажды уже сделали. Я ей в сорока шагах был не нужен: я никуда не денусь, я родовой ключ, я триста лет лежу на складе и полежу ещё. А наследник растёт.

— Ты дошёл, — сказал Теодор.

Вот на этом месте мне и стало не по себе, но я ещё не понимал почему, и потому продолжал работать.

— Тогда практическое. Где гробница?

— Не знаю.

— Честно?

— Честно.

— У кого спрашивать?

— У того, кто уже сказал тебе половину и остановился сам. — Теодор снова пошёл вдоль камня. — Ты отдал магам не всё, что знал, и это была твоя воля. Они отдали тебе не всё, что знают, и это была их. Уравняйтесь.

— Значит, аудиенция.

— Значит, аудиенция. И явишься ты туда не с испугом, а с вопросами. Три штуки, не больше. Чем изгнали, где это лежит и почему целятся в наследника. На четвёртый тебе ответят так, что покажется, будто ответили.

Я записал в стопку и это, а потом сделал то, что делаю на всякой приёмке под конец: отступил на шаг и посмотрел на всю партию целиком.

За месяцы этот человек — если он человек — выдавал мне сведения по одному, взвешивая каждое на весах, которых мне не показывают. У него были ответы четырёх сортов, и я их знал наизусть. Сегодня он не отбирал. Он подталкивал. Он велел вернуть вычеркнутую строку, он сказал «подумай о руке», он стоял и ждал, пока я вспоминал трактир, вместо того чтобы дать мне уйти в сторону.

— Вы сегодня в ударе, — сказал я осторожно.

— Ночь удачная.

— Обычно вы кладёте мне один камень и смотрите, как я об него бьюсь. Сегодня вы выложили дорожку.

— Вопрос ты задал верный.

— Я и раньше задавал верные.

— Задавал, — не стал спорить Теодор.

Ответ он положил ровно, и стало ясно, что эту дверь мне сегодня уже не открыть. Я поднялся с камня, пошёл к телу и у самого края, положив ладони ему на голову, услышал за спиной:

— Запиши сразу, как проснёшься.

Человеку с моей памятью такого не говорят. Он это знал лучше всех.

Утром я записал.

Лист лёг на стол, перо скрипело скверно — рука Дмитрия и через полгода писала вкривь, — и я вывел сверху две строки, разгоняя их подальше друг от друга, чтобы место оста-

лось.

«Гонят мечом. Иного в списке нет, и вычёркивать больше нечего».

«Взяться за него может тот, в ком кровь Святослава. Оттого и бьют по наследнику, бьют вперёд, пока он не вырос».

Ниже, отступив от них, я написал третью, не про тварь и не про меч, а про своё.

«Он ответил. Впервые за всё время он просто ответил».

И поставил на полях против неё галочку — ту самую, которой у нас на приёмке метили позицию, где всё сошлось, а проверить надо ещё раз.

Глава 2. Не убедил

— А, вот и вы. Скажите честно, Воротынский: вам не кажется, что всё это несколько чрезмерно?

Его высочество сидел на низком диване среди коробок. Коробок было десятка три, в лентах и без, часть распакована, часть надорвана с угла и брошена; на ковре стояла корзина с фруктами не по сезону, у стены — конторка, заваленная карточками, и лакей у двери держал ещё две коробки, потому что ставить их было уже некуда.

— Смотрите. — Александр поддел ногой ближнюю. — Это мне. За то, что со мной ничего не случилось. Третий день несут. Вчера прислали жеребёнка, вообразите: жеребёнка, в записке — «в знак радости». Я велел отвести на конюшню и написать, что тронут. Радость у людей выходит натурой.

Я стоял и считал. Подарки считать было бессмысленно; у нас такой приход и не приходовали, его сваливали в дальний угол склада с надписью «разобрать потом». Считал я двери в комнате, окна, расстояние от дивана до окна и от дивана до соседней залы, и делал это прежде, чем успел себе запретить.

— Садитесь, — сказал принц. — Вы бледный. Мне сказали, вас неделю не выпускали.

— Шесть дней, ваше высочество.

— И на седьмой вы поехали ко мне. — Он посмотрел на

меня коротко и внимательно, безо всякой светскости, и от этого взгляда у меня внутри что-то сдвинулось, потому что за такими взглядами обычно идёт умный вопрос. — Значит, у вас дело. Ко мне третий день ходят с благодарностями и просьбами, и я по лицам уже различаю, кто с чем. У вас лицо человека, которому нужно, чтобы я что-то понял. Говорите, слушаю.

Я и начал говорить, и первые полминуты у меня даже получалось.

— Ваше высочество, я хотел бы, чтобы вы знали, зачем оно приходило.

— Мне объясняли. — Александр поднял ладонь. — Объясняли трижды и все по-разному, так что теперь я знаю меньше, чем в субботу. Один почтенный человек полагает, что это была тварь дикая, вышедшая на скопление народа, на шум и на огни. Другой — что нечисть тянет туда, где много силы, а на круге силы было довольно. Третий сказал, что о таких вещах судить не берётся, и, между нами, он один мне понравился. Ещё говорят, что в столице подобного не случилось двести лет, и потому надо считать случаем. Что скажете вы?

— Скажу, что оно шло к вам.

— Ко мне лично?

— К вам лично, — сказал я. — Мимо стражи, мимо распорядителей и мимо меня.

Он всё-таки был неглуп. Он не улыбнулся и не отмахнул-

ся, он поставил стакан на конторку и повернулся ко мне целиком.

— Мимо вас — это существенно?

— Я стоял в черте, в сорока одном шаге от вашей ложи. Один, на виду, никем не прикрытый. Оно меня видело. — Тут я запнулся, потому что дальше начиналось то, чего я не собирался говорить ни при каких обстоятельствах, а говорить приходилось. — И у него была причина мною интересоваться, ваше высочество. За нашим родом такие вещи ходят давно. Не первый год и не второй.

— Вот как, — сказал Александр. — Родовое?

— Родовое.

— Сочувствую. — И он действительно сочувствовал, я это слышал. — У нас в фамилии тоже говорят такое, чего при посторонних не повторяют. Продолжайте.

— Оно прошло мимо добычи, которая стояла к нему ближе всех. По рассеянности так не делают. Так делают, когда есть цель дороже.

Дальше я выложил всё, что имел, и выложил в том порядке, в каком складывал сам, — сперва посылки, потом вывод, как меня учили в другой жизни на совещаниях, где решают люди, не любящие читать до конца.

Первое: демонов из этого мира однажды уже выгнали, и сделал это царь Святослав.

Второе: сделал он это мечом, и меч похоронили вместе с ним.

Третье: в царской фамилии течёт его кровь, и в вас, ваше высочество, она тоже течёт.

— И четвёртое, — сказал я. — Государь стар, вы молоды. Если за этот меч вообще может взяться человеческая рука, то первая на очереди — ваша. Тварь пришла на плац не убивать наследника престола. Она пришла убрать единственную руку, которая может повторить с ней то, что с ней однажды уже сделали.

В комнате стало тихо. Лакей у двери стоял с коробками и смотрел в стену, как смотрят слуги, когда очень хотят не слышать.

А потом его высочество засмеялся. Не зло и не свысока — весело, как смеются доброй нелепице, и от этого смеха у меня похолодели пальцы.

— Воротынский, милый. — Он вытер глаза мизинцем. — Вы меня видели верхом?

— Не имел чести.

— И слава богу. Я держусь в седле как мешок с овсом, это, впрочем, знает весь двор, а кто не знает, тому расскажут. Фехтую скверно. Магии во мне столько, что свечу зажигаю с третьего раза, и то если свеча в настроении. — Он загибал пальцы и делал это явно не впервые. — Меч Святослава, говорите. Да его, по преданию, и сам Святослав поднял единственный раз в жизни, а после слёг на полгода. Ну куда мне. Что вы, я же не герой какой-нибудь.

— Я не о том, каковы вы сейчас, ваше высочество. Я о

том, чем вы можете стать.

— Вот, — обрадовался он, — вот это уже похоже на моих советников. Они тоже всё время говорят мне, чем я могу стать.

Я попробовал ещё раз, и ещё, и заходил с разных сторон, как заходят к заказчику, который не хочет подписывать акт.

Версия про шум и огни не объясняла прямой линии: на плацу шумели в трёх местах, а тварь пошла в одно. Двести лет ничего подобного не случилось — и случилось ровно на церемонии с наследником, что для случайности, правда, слишком аккуратно.

Под конец я разложил перед ним цену вопроса, как её раскладывают перед человеком, подписывающим смету: если я ошибаюсь, вы потратились на лишний караул и на месяц беспокойства; если я прав и мы ничего не сделали, вы платите один раз и всем, что есть. Такие расчёты у нас доводили до подписи даже самых упрямых, потому что упрямство обыкновенно кончается там, где человек видит, во что оно ему станет.

Слушал он хорошо. Слушал внимательнее половины тех, кому я в прежней жизни продавал сложные вещи, кивал в нужных местах и переспрашивал, хотя переспрашивал, как я потом сообразил, не о том. А потом сказал:

— Знаете, что тут не сходится?

— Что?

— Вы. — Александр развёл руками. — По-вашему выхо-

дит, что оно шло за будущим героем и прошло мимо вас. А ведь герой-то у нас в комнате один, и это не я. Оно вас видело, вы говорите. Видело — и не тронуло. Вот вас пусть и боится.

— Оно меня не боялось, ваше высочество. Оно меня отложило — как откладывают то, что и завтра будет на месте.

— Отложило, — повторил он с удовольствием. — Нет, вы решительно должны бывать при дворе чаще. Так выражаться здесь никто не умеет.

— Расскажите мне, что вы видели, — сказал он вдруг. — Своими глазами. Мне докладывали, а докладывают всегда так, будто всё было понятно с самого начала.

Я рассказал, отмеряя. О том, чего он знать не должен, я умолчал, и умолчал спокойно: за полгода у меня выработалась привычка держать при себе половину, а вторую половину подавать так, чтобы её хватало на ответ.

Вышло оно у дальнего края, где снег был не топтан, и пошло ровно, без спешки, и хуже всего было именно от этой неспешности. У распорядителя встали часы; он их потом трижды при мне подносил к уху. И мёрзло лицо, хотя мороз стоял обыкновенный, декабрьский.

Александр слушал, глядя в ковёр.

— А я, — сказал он, когда я замолчал, — не помню почти ничего. Помню, что стало тихо. Помню, что пахло гарью и что я подумал: горит где-то в конюшнях. Вообразите, у меня в трёх шагах, а я про конюшни. Потом вы упали, и после

этого у меня в памяти сразу лестница и лекарь.

— Это бывает, ваше высочество.

— Бывает. — Он поднял на меня глаза. — Только вот вы стояли в сорока одном шаге и всё запомнили по порядку, а я стоял вплотную и не сделал ровно ничего. Ни шагу. Ни рукой. Стоял и смотрел, как оно идёт. Вот вам, Воротынский, и весь меч Святослава.

Сказать на это было нечего. Я знал причины, по которым человек цепенеет, и любая из них была вернее его самоприговора. Но приговор он себе вынес заранее, а такие приговоры чужими доводами не отменяются.

Он помолчал, повертел в пальцах ленту от коробки и спросил уже другим тоном, деловым:

— А та ваша вещь? Которой вы его... как это правильно назвать?

— Порвал.

— Порвали. У вас есть ещё такая?

— Нет, ваше высочество.

— Сделаете?

— Таковую сделаю. Толку в ней не будет: она годится один раз против того, кто её не видел. Он видел.

— Скверно, — сказал Александр без всякой весёлости и вдруг стал похож на человека, который думает о субботе чаще, чем показывает. Он прошёлся до окна и обратно, задев по дороге коробку. — А сколько времени вам надобно, чтобы придумать что-нибудь такое, что годится и против того,

кто уже видел?

— Не знаю, ваше высочество. Может, месяц. Может, никогда: я не знаю даже, из чего такое делают, и спросить мне не у кого.

— Вот и я о том. У меня, знаете ли, тоже нет ничего такого. У меня есть караул, шесть человек, и все с саблями. Против того, что я видел, сабля — это, я подозреваю, украшение.

— Подозреваете верно.

— Вот именно. — Он бросил ленту в коробку. — И потому я велю усилить караулы, хотя их уже усилили. И велю, чтобы к вашим словам отнеслись со вниманием. Довольны?

— Не вполне.

— Честный ответ. — Из коробки он достал бронзовую чернильницу в виде оленя, посмотрел на неё с минуту и поставил на конторку. — Воротынский, я вам верю в одном и не верю в другом, и хочу, чтобы вы понимали разницу. Верю, что вы видели то, что видели, и что вы человек трезвый, я вас в круге видел. Не верю тому, что кому-то на свете есть дело до меня как до руки, которая что-то там поднимет. Времени понять, кто я такой, у меня было довольно. По способностям я был бы у отца третьим сыном, а по очереди я первый. Одно другого не отменяет, и очередь — не заслуга.

Сказано это было легко, безо всякой горечи, и оттого прозвучало хуже, чем если бы он жаловался.

— Ваше высочество...

— И вот ещё что. — Он подвинул оленя к остальным и

наконец встал. — Я прекрасно вижу, что за милостью вы не приезжали, а по нынешним дням такое надо отмечать в календаре. Поэтому запомните: понадобится что-нибудь — обращайтесь. Прямо ко мне. Не через канцелярию, у нас это ходит месяцами. Скажите, что от меня, и вас пустят.

И вот здесь он не играл. За полгода в этом мире я научился отличать любезность от намерения, и это было намерение — тёплое, искреннее и совершенно бесполезное, потому что нужно мне было ровно одно, а именно чтобы он мне поверил.

— Благодарю, ваше высочество.

— Не за что. Пока не за что, — поправился он и улыбнулся. — Идите, вас там ждут. Их там много, и ждут они с самого утра.

Их там было человек сорок, и ждали они действительно меня.

Залу я прошёл за четверть часа и за эти четверть часа выслушал столько добрых слов, сколько не слышал за всю прежнюю жизнь, включая юбилей нашего директора. Мне жали руку. Меня хлопали по плечу, отчего рёбра слева отзывались честно и подробно. Дама в лиловом сказала, что читала о происшествии и всю ночь потом не спала. Смотрела она при этом весело и свежо. Спала она превосходно, а фразу, полагаю, готовила с утра.

— Расскажите же, как это было!

Просили хором, и на третьей просьбе мне стало очевидно,

чего от меня ждут. Ждали случая — смешного и страшного разом, из тех, что пересказывают вечером за столом. Молодой Воротынский оступился, упал под ноги их высочеству, всё едва не кончилось бедой и как славно обошлось.

Я рассказал. Коротко, по протоколу, слово в слово, как записано у распорядителя. На слове «оступился» кто-то в задних рядах хмыкнул, а кто-то отозвался: «Вот именно, оступился!» — с той интонацией, с какой говорят «мы всё понимаем».

Дальше пошло обычное. Меня спросили, правда ли я собираюсь заниматься вещами, как ремесленник. Спросили, не боязно ли роду с такой славой. Господин в мундире поинтересовался, много ли платят за такое умение, и смотрел при этом на мои сапоги, а не в лицо. Двое помоложе стояли поодаль и говорили достаточно громко, чтобы я разобрал. Одному было любопытно, засчитают ли мне круг, если разбирательство затянется. Другой отвечал, что разбирать тут нечего: его высочество теперь будет помнить одно имя из всех.

За все четверть часа никто ни разу не сказал «демон».

Слово это, надо полагать, вымыли из залы вместе с полами. Заменителей я насчитал шесть. Работа была ловкая, и я её поневоле уважал. Без сговора, за неделю, сорок человек выбрали одни и те же слова и держались их твёрже присяги.

Один раз я подумал, что скажут. Старик у окна, в мундире старого покроя, с орденом за какую-то давнюю войну, поймал меня за рукав и наклонился близко.

— Молодой человек. Я в шестьдесят третьем, на южной границе, видел, как из ничего вышло...

Он замолчал, подбирая слово, и я стоял и ждал, как ждут, когда наконец подпишут.

— Батюшка ваш был мне знаком, — сказал старик совсем другим голосом. — Хороший был человек. Примите соболезнования.

Рядом уже стояла дама, дочь или племянница, и говорила ему, что здесь сквозняк, что пора и что доктор велел. Его увели, и он ушёл послушно, а на меня оглянулся один раз, от самых дверей.

Я кланялся, где положено, и считал, потому что счёт меня успокаивает. Сорок человек, и ни от одного я не услышал, что было на плацу на самом деле. Трижды помянули «пронисшествие», дважды «замешательство», один раз «неприятность», и один господин выразился совсем уж изящно — «то досадное обстоятельство». У половины из них дар и деньги, у трети чины, и работа на нынешнее утро вышла у всех общая. Говорить о субботе так, чтобы субботы не было.

Товар списали, недостачу закрыли актом. Кладовщик кланяется, все довольны.

Меня довели до лестницы. Дама в лиловом сказала на прощание, что героев нынче мало, и потрогала мой рукав. Рукав, правда, был чужой выделки и по нынешним ценам не из дешёвых, но трогала она, надо думать, не сукно.

Канцелярия коллегии магов помещалась в третьем этаже, в конце коридора, где пахло сургучом и мокрой шерстью от сохнущих шинелей. Секретарь оказался человеком лет пятидесяти, с чернильным пятном на среднем пальце и с той повадкой, которую я узнал бы в любом мире и в любом веке. Он никуда не спешил, потому что спешить полагалось мне.

— Прощение об аудиенции, — сказал я.

— К его превосходительству?

— К нему.

— Форма третья. — Секретарь придвинул лист, обмакнул перо и посмотрел поверх очков. — По какому делу?

Написать можно было по-разному. «По учебному» — и бумага пойдёт общим порядком недели три, потому что декабрь, все на месте и никого нет. «По делу об истинных артефактах» — и её прочтёт кто-нибудь, кому этого читать не следует. Правду — «о демоне, который триста лет ходит за моим родом, и о мече, которым его однажды выгнали» — в казённой бумаге не пишут даже в моём положении.

— Пишите: по родовому, — сказал я. — Дело, о котором его превосходительство говорил со мной осенью.

Перо остановилось.

— Так и писать?

— Так и пишите. Он поймёт.

— Я, изволите видеть, обязан вписать предмет, — сказал секретарь ровно. — Не «поймёт», а предмет. Если предмета нет, бумага ляжет в общую стопку, а общая стопка у нас те-

перь до Рождества.

— Предмет — родовое дело, начатое его превосходительством осенью. — Я посмотрел на него сверху, как смотрел когда-то на кладовщика, объяснявшего мне, почему нужно-го нет и не будет. — Впишите дословно. Спросят, кто так написал, — ответите, что писали с моих слов, и покажете лист.

Секретарь пожевал губами и вписал. Он посыпал строку песком, стряхнул песок обратно в коробочку, аккуратно, до последней крупинки, и я смотрел на его руки и думал о том, что за одно нынешнее утро меня трижды называли спасителем, дважды героем и один раз гордостью Академии, а человек, которого я вытащил, поблагодарил меня искренне, тепло и от души — и не поверил ни одному моему слову.

— Долго ждать? — спросил я.

— Как рассудят. — Секретарь надел на прошение обложку и положил его не в стопку, а сверху, отдельно, и это было единственное, чем он показал, что фамилию мою за неделю слышал не раз. — Ответ придёт с вестовым. Ждите.

Глава 3. Пустой дворец

— Не тот. Тот, с медными углами. Я сказал — с медными.

Сундук с медными углами стоял тут же, у стены, третьим в ряду, и лакей, которому это было сказано, обошёл его дважды, прежде чем взяться. За ним по коридору тянулся ещё ряд: корзина с крышкой, ковровый баул, из которого торчал сапог, и шляпная коробка, поставленная на попа. Распорядитель в тёмном сюртуке, с ключами на цепочке, проводил всё это до поворота и только потом повернулся ко мне.

— Воротынский, — сказал он. Не спросил, а сказал: фамилию мою во дворце за неделю выучили лучше, чем я сам. — Вы к его высочеству.

— От его высочества. — Я произнёс это, как было велено, и добавил остальное. — Он сказал, что меня пустят.

— Пустят. Распоряжение есть. — Он снял с цепочки ключ, посмотрел на него и надел обратно. — Только его высочества нет.

Бумага у меня лежала во внутреннем кармане: форма третья, а под ней три строки ответа, короче самого прошения. День, час, «его превосходительство примет». Вестовой принёс её накануне, в шестом часу, и ночь я потратил на то, чтобы разложить три вопроса в порядке, в каком их труднее всего отвести, а утро — на дорогу сюда. Потому что к магам я решил везти принца. Не как заступника; его превосходи-

тельство в заступниках не нуждался и мне не грозил. Как свидетеля. Пусть человек, которому я не смог ничего доказать в субботу, услышит то же самое от людей, которые знают точно и которым он поверит.

— Уехал?

— Отбыли на рассвете. На воды. С её высочеством супругой и ближними. — Распорядитель кивнул в сторону поворота, куда унесли сундуки. — Лекари советовали ещё с осени, а после субботы нашли, что откладывать далее не следует. Возвращение к Рождеству. Перед Рождеством двор всегда в сборе.

Я стоял и держал в кармане бумагу с днём и часом, а перед глазами у меня стояла другая, из прежней жизни, с двумя словами, которые в конторе означали конец всякого движения: «в отпуске». Начальник в отпуске. Печать заперта в столе, заместитель подписывает только то, за что не отвечает, поставщики ждут, и вся контора живёт до его возвращения на честном слове. Я видел это раз двадцать. Ни разу — с этой стороны стола.

«Понадобится что-нибудь — обращайтесь». Сказано было в субботу, искренне, и стоило ровно сутки. Я приехал звать с собой наследника престола, как зовут с собой на приёмку младшего инженера, чтобы поглядел и запомнил, — и наследник, не спросясь, уехал. Первый раз за две жизни у меня из-под носа увели подчинённого, которого я назначил себе сам.

— Его высочество вчера, перед врачами, изволили повторить: студента Воротынского пускать. — Распорядитель сказал это без выражения, как читают ведомость. — Повторили дважды, при мне. Коли вам надобно знать, он о вас помнил.

Это было в его духе. Он помнил, он распорядился, он повторил дважды, и всё это стоило теперь столько же, сколько его сочувствие в субботу, — много и ничего.

— Что-нибудь передать его высочеству? Почта на воды идёт трижды в неделю.

— Нет.

— Что-нибудь надобно? Распоряжение никто не отменял.

Я хотел ответить «нет» и во второй раз и не ответил, потому что по коридору, с той стороны, куда унесли сундуки, шла принцесса.

Шла она одна, без лакея, в тёмном платье без отделки, и на ходу читала письмо. Дочитала, сложила вчетверо, подняла голову и увидела меня. Распорядитель поклонился и отступил к стене, так, чтобы стоять и не присутствовать; этому умению здесь, надо полагать, учили с детства.

— Опоздали, Воротынский, — сказала Анна.

— На сутки, ваше высочество.

— На восемь часов. Он уехал в седьмом. — Она посмотрела на письмо в руке и убрала его в рукав. — Третьего дня он никуда не собирался. Вчера с утра у него сидели советники, потом лекари, к вечеру уложили сундуки. На водах, из-

волите видеть, спокойнее.

Слово «спокойнее» она положила отдельно, ровно, и трогать его не стала. Спрашивать, зачем я пришёл, она тоже не стала, и я отметил это, как отмечают позицию, которой нет в ведомости, но которая явно должна была быть.

— Вы остаётесь, ваше высочество?

— Я остаюсь. Кому-то надо. — Она сказала это без всякой жалобы, как говорят о дежурстве. — Он вам что-то обещал.

Это не был вопрос, и я не стал отвечать.

— Он всем что-нибудь обещает, — сказала Анна. — И всё, что обещает, думает всерьёз, в этом его беда. Исполнять обыкновенно приходится другим.

Она помолчала, и я решил было, что разговор кончен, но она добавила, уже глядя мимо меня, в пустой коридор:

— Двор разъехался. Кто не на водах, тот в имении, кто не в имении, тот на охоте. К Рождеству съедутся все и будут рассказывать друг другу, как молодой Воротынский оступился. Вы это уже слышали.

— Слышал, ваше высочество. В субботу, сорок раз.

— Сорок один, — сказала она.

Она наклонила голову — ровно настолько, насколько принцесса кланяется студенту, — и пошла дальше, к лестнице, и в тишине пустого крыла я слышал её шаги дольше, чем видел её саму. Распорядитель отделился от стены.

— Так что-нибудь надобно? — повторил он.

— Пока ничего, — сказал я. — Но я, возможно, зайду.

— Заходите. — Он снова тронул ключ на цепочке. — Распоряжение есть.

Академия к каникулам пустела с дверей.

У главного крыльца стояли подводы, две с верхом и одна без, и студенческие сундуки грузили по старшинству: сперва с гербами, потом с медными накладками, потом простые, перевязанные верёвкой. У сундуков стояли хозяева и следили, чтобы их не поставили ниже, чем следует. Мой сундук стоял у меня в комнате и никуда не собирался. До Рождества оставалось три недели без малого, и к Рождеству я обещал деду быть в имении, но между Академией и имением у меня лежала аудиенция и лежал вопрос, на который никто в этом городе не хотел отвечать.

На крыльце, в шубке, с перчатками в руке, стояла Ирина и ждала экипажа. Экипаж, судя по всему, запаздывал, а ждать она не умела и не собиралась учиться.

— Воротынский.

Я поклонился.

— Отец пишет мне, чтобы я держалась от вас подальше. — Она сказала это, глядя не на меня, а на подводы. — Прород и про то, что за ним ходит. Он у меня осторожный человек и читает газеты, а газеты, как известно, ни о чём таком не пишут, оттого он и осторожен.

— Что вы ответили?

— Что мы с вами на одном курсе, и держаться подальше в

одной аудитории затруднительно. — Она натянула перчатку и посмотрела на неё. — Он не нашёлся. Он редко находится, когда ему отвечают. До Крещения, Воротынский. Не сделайте за это время ничего такого, о чём мне придётся узнавать из чужих писем.

Экипаж подали, и она сошла к нему, не оглянувшись. Лакей поднял её сундук, и подводы у крыльца двинулись следом, потому что старшие сундуки были уже погружены, а младшие могли и подождать.

На кафедре было холодно. Кафедра артефакторики не топилась с ноября: попечительский совет в этом году срезал дрова, и Тележников распорядился топить одну комнату из четырёх — ту, где стоял его стол и где в шкафу под замком лежали компоненты. Остальные три стояли выстуженные, и в них я работал в шинели.

Тележников уезжал. Он складывал в портфель бумаги, не глядя, какие, и портфель не закрывался.

— До Крещения, — сказал он, увидев меня. — Кафедра закрыта, дров не будет, компоненты — по записи, в тетрадь. Выдаёт Софья. Не выдаёт тоже она.

— А вы, Бронислав Аркадьевич?

— В деревню, к сестре. Там топят. — Он надавил на портфель коленом, и замок щёлкнул. — Кость держит дольше серебра, Воротынский. Я вам это говорил осенью. Повторяю, потому что зимой все забывают.

Софья у дальней стены вытирала банки. Банок было де-

сятка два, и я знал, что вчера она вытирала их же. Она не подняла головы, но тряпка на секунду остановилась.

— Вам что-нибудь нужно? — спросила она, когда за профессором закрылась дверь и портфель, надо полагать, закрылся тоже.

— Пока не знаю.

— Когда узнаете — в тетрадь. Одна строка, а не полстраницы. Он прочтёт полстраницы и не выдаст ничего.

— Жила у вас есть? Чище пятой таблицы?

— Нет. — Тряпка пошла дальше по банке. — И до весны не будет, я говорила ещё в ноябре. Есть та, что есть, по записи. Есть другая, не по записи и не здесь.

— Почём?

— Смотря сколько. — Она поставила банку в ряд и взяла следующую. — Вы же пока не знаете, сколько вам нужно.

Я не знал. Она это видела с той минуты, как я вошёл, и на всякий случай назвала цену раньше, чем я успел её спросить, и цена была без единой цифры — жила есть, и она не здесь.

Я сел за свой стол у окна, где стекло изнутри взялось узором, снял с гвоздя клеёнчатую тетрадь и открыл её на записях о светильниках. Их было пять, и пятая, октябрьская, была сделана в то самое утро, за двенадцать часов до того, как я в темноте закрывал чужие краны, а дощечка в кармане била меня по рёбрам на каждой лестнице лекарского корпуса.

«Светильник, сборка пятая, взамен сгоревшей при во-

рах». Дальше моей рукой — жила из брака волочения, обренок в палец, горит четыре минуты, свет зелёный и холодный, а на две комнаты и прихожую нужно втрое.

Это было в октябре, во втором этаже лекарского корпуса, где принц тогда лежал под присмотром и где кроме газа не горело ничего. Газ в тот вечер сел, потом погас, и при открытых кранах его высочество собрался зажечь свечу. Я тогда сказал ему «не зажигайте» — второй раз за вечер, когда наследнику говорили «нет», — и зажёл свою дощечку, и при её свете закрыл шесть кранов, а лакей — седьмой. Домой я шёл и считал жилу: три дощечки, каждая на один раз, и держать их у них под рожками, чтобы лакей нашёл в темноте. Свет, который можно зажечь при открытом газе.

Никто меня об этом не просил. Александр в тот вечер сказал: «Понадобилось, чтобы безмагический закрыл мне газ», — и это была вся просьба, какая была. Три дощечки я не собрал. Сперва не было жилы, потом был круг, и я делал вещь на один заряд, потому что заряд был важнее света. Потом была суббота, потом шесть дней лежания, и запись стояла в тетради, как стоят в ведомости позиции, по которым поставщик молчит, а спросить некому.

Теперь принц жил во дворце, через полгорода отсюда, и что у него там горело — я не знал. В субботу я считал в его комнатах то, чему меня выучил октябрь, — двери, окна и расстояние до соседней залы, откуда войдут, если войдут, — а на потолок не смотрел, и это была первая недостача, кото-

рую я себе записал.

Вторая была серьёзнее. Дощечка на четыре минуты — это лучина, только зелёная. Она хороша, когда газ сел и надо закрыть краны. Вещь, которая горит целый вечер и которую можно зажечь одним касанием, — это другое устройство, и в «Началах» о нём не было ни строки; в записях Константина, которые я перечитал за осень дважды, попадались три места, где он подбирался к чему-то похожему и трижды бросал. Одно место я помнил: «свет ровный, ежели кость не рвать, а вести». Что значит «вести», Константин не объяснил. Он, надо думать, знал сам.

Оставался вопрос, кто это устройство зажжёт. Слуга не зажжёт: у слуги нет искры, у слуги есть спички, а спички при газе я в тех комнатах уже видел. Зажечь может только тот, у кого искра есть, и во дворце такой был один — человек, зажигающий свечу с третьего раза. Свечу зажигают силой, а силы у него на грош. Искра — другое. Искра не горит, она включает, это мне объяснили в первую же неделю здесь, и с тех пор я на этом объяснении стоял, как стоят на единственной сухой доске. Одного касания его высочества хватило бы. Оставалось сделать так, чтобы касаться было чего.

Я взял чистый лист и стал считать, чем располагаю.

Усадебный камень — тот, что в трещинах, привёз с собой, лежит в сундуке. Клык из усадебного сундука — один, горел уже семь раз и не темнеет, и на восьмой рассчитывать можно. Жила — обрезки из отбраковки, четыре, все «брак воло-

чения», ни один длиннее пальца, и на «вести» их не хватит: длинную цепочку по короткой жиле не соберёшь, это я знал ещё до того, как выучил здесь первое слово. Унимающего нет до весны, Софья сказала это ещё в ноябре, и в таких вещах она не ошибается. Значит, Унимающего в устройстве быть не должно, и это упрощает: чего нет, того и не закладывают.

Денег в ящике стола лежало на три недели, если считать по-студенчески, и на неделю, если закладывать жилу. Жила чище пятой таблицы по кафедральной записи не водилась, а где водилась — там и цены были не кафедральные, и Софья это уже сказала мне сегодня, не назвав ни одной цифры.

Я сидел над листом, где в правом столбце было пять позиций, а в левом ни одной, и понимал, что делаю то, чего в прежней жизни не делал ни разу: составляю смету на работу, которую никто не заказывал, для заказчика, который уехал, и на его деньги рассчитывать не приходится. Заказчик, впрочем, и не знал, что он заказчик. Он знал, что безмагический закрыл ему газ, и был этому рад.

Зачем мне это, я объяснить не мог. Ни себе, ни Софье, которая непременно спросит, когда прочтёт в тетради первую строку. Я мог сказать, что в субботу человека едва не убили в трёх шагах от меня и что человек этот ходит по своим комнатам при газе, который однажды уже сел. Мог сказать, что через три недели он вернётся, и мне понадобится с чем-нибудь к нему прийти, потому что со словами я к нему уже приходил. Всё это было правдой, и всё это было не то. Я про-

сто сидел над пустым левым столбцом и не мог от него отойти, как не мог в прежней жизни уйти со склада, если на полке лежало что-то не на своём месте.

В правом столбце я дописал шестую позицию: «сколько рожков и где — смотреть на месте». Без неё остальные пять не считались.

В день аудиенции я вышел на час раньше и пошёл не к магам.

Через две приёмные меня провели без доклада, и в обеих не было никого, кроме истопника с корзиной. Распорядитель оказался на том же месте, у поворота, и с той же цепочкой. Сундуков в коридоре больше не было, и без них коридор сделался длиннее.

— Воротынский, — сказал он.

— От его высочества. Мне нужно взглянуть на его комнаты. Ненадолго.

Он посмотрел на меня, потом на ключ, и я приготовился объяснять, зачем студенту Академии смотреть на комнаты уехавшего наследника, и заранее знал, что объяснение выйдет хуже, чем молчание. Объяснять не пришлось.

— Распоряжение есть, — сказал распорядитель, и я в третий раз услышал эту формулу и в третий раз не понял, доволен он ею или тяготится. — Лакей проводит. Трогать ничего не велено.

Комнаты стояли, как я их оставил в субботу, только хо-

лоднее и без хозяина: коробки никуда не делись, три десятка коробок с лентами, и бронзовый олень стоял на конторке, где принц его поставил. Печи топили, но по-казённому, для стен. Жеребёнка, присланного «в знак радости», я мысленно нашёл на конюшне, где ему, в отличие от хозяина, ехать никуда не велели. Лакей встал у двери и смотрел в стену.

Рожков было пять. Два по стенам, с латунными ушками у трубы, один над конторкой, один над диваном и один в спальне, за ширмой, куда я заглянул и откуда вышел, не переступив порога. Ушки стояли поперёк трубы, все пять. Кто-то, уезжая, закрыл газ, как положено, и мне бы этому радоваться, а я стоял и смотрел на ушко над конторкой и думал, что в октябре его никто не закрыл, пока не пришёл я.

— Кто закрывал? — спросил я лакея.

— Велено было. Ещё с вечера, до отъезда.

Кем велено, он не сказал, а я не переспросил.

Я сосчитал шаги от рожка до рожка и от рожков до печей, где стена тёплая и где класть кость нельзя. Записал на лист, там, где было шестое место. Больше трогать было нечего, да и не велено.

— Всё, — сказал я лакею.

Он проводил меня до поворота, где распорядитель уже ждал с готовым «до свидания», и я вышел на площадь, где мороз стоял обыкновенный, декабрьский, и до канцелярии коллегии оставалось двадцать минут ходу и час времени.

Бумага с днём и часом лежала во внутреннем кармане ря-

дом с листом, где правый столбец был заполнен, а левый пуст. Три вопроса лежали в голове в том порядке, в каком их труднее всего отвести. Свидетеля со мной не было, и рассказывать после о том, что мне ответят, будет некому, кроме одного соседа, который и так услышит.

К магам я пошёл один. Тогда мне казалось, что это мелочь.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.